

7. Лукина Н.В. Фольклор в культуре обских угров // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 2002. Вып. 9.
8. Зуев В.Ф. Материалы по этнографии ненцев и хантов // Колумбы земли русской. Хабаровск, 1989.
9. Золотарёв А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
10. Перевалова Е.В. Этническая история северных хантов (обдорско-куноватская группа) в XVII – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997.
11. Вербов Г.Д. Пережитки родового строя у ненцев // Совесткая этнография. 1939. № 2.
12. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Новые данные по социальной организации восточных хантов // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21.
13. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Томск, 1977.
14. Steinitz W. Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien. Etnos, 1938. № 4, 5.
15. Успенская С.С. Хантыйские сказители как хранители фольклорной традиции // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2005.
16. Чернецов В.Н. К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. 1947. № 6, 7.
17. Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1983.
18. Дмитриева Т.Н. Мифы и реальность в топонимических легендах казымских ханты // Этимологические исследования. Екатеринбург, 2001.
19. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.
20. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., пред. и прим. Н.В. Лукиной. М., 1990.
21. Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-угорского общества // Советская этнография. 1939. № 2.
22. Мифология хантов / В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, Т.А. Молданов, Т.А. Молданова. Томск, 2000.
23. Чураков В. О значении этнонима ар // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1999. № 4.
24. Белых С. Еще раз об этнониме ар // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1996. № 3.
25. Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1.
26. Алатырев В.И. Этимологический словарь удмуртского языка. А, Б. Ижевск, 1988.
27. Пушкарёва Е.Т. Тирлей // Фольклор и этнография народов Севера. Л., 1986.
28. Фольклор ненцев / Сост. Е.Т. Пушкарёва, Л.В. Хомич. Новосибирск, 2001.
29. Головнёв А.В. Социально-экономические аспекты ненецко-угорских контактов // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988.
30. Батьянова Е.П., Функ Д.А. Телеуты // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
31. Тишков В.А. О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1.

УДК 39:316.7(571.1)

А.Г. Тучков

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ У ЮЖНЫХ (НАРЫМСКИХ) СЕЛЬКУПОВ В 1920–30-Е ГОДЫ¹

Томский государственный педагогический университет

В центре внимания нашей статьи – южные селькупы как особое национально-территориальное этнолингвистическое образование с исторически сложившимися компонентами традиционной культуры и языка. Задачей данной работы является анализ социально-экономических и коммуникативных факторов, влияющих на жизнеспособность языка и состояние (динамику) языковой ситуации. К таким экстралингвистическим факторам относятся прежде всего: территория проживания этноса, его численность, возраст носителей языка; характер бра-

ков и функционирование языка в семье, воспитание детей дошкольного возраста, преподавание родного (национального) языка в школах. Каждый из них является безусловным диагностическим параметром, определяющим степень доминирования родного языка, своего рода гарантом его развития и функционирования.

Работа продолжает начатые ранее автором исследования по проблеме состояния традиционной культуры южных селькупов [1–3]. В основе статьи лежат материалы 1920–30-х гг. Государственного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Коренные малочисленные народы Севера земли Томской: судьбы традиций и языка» № 05-01-64102а/Т.

архива Томской области, характеризующие основные сферы функционирования их языка.

Территория проживания. В 1920–30-е гг. южные селькупы, как и прежде, занимали территорию среднего течения р. Оби и ее притоков – Васюгана (нижнее течение до земель Наунакского сельсовета), Парабели, Чижапки, Чузика, Кенги, Тыма, Кети. В районах от Колпашева до Нарыма сохранялась дисперсность расселения, по р. Кеть селькупы занимали верхнее ее течение. Компактно селькупы проживали только по р. Тым, где к середине 1930-х гг. они представляли доминирующее население (731 чел.) и где еще сохранялись традиционные черты культуры и язык [4, л. 39, 44].

В начале 1920-х гг., в условиях политики, направленной на национально-государственное строительство, и подъема национального самосознания коренных этносов Сибири, на территории Нарымского края наметилась тенденция по реорганизации дореволюционной административной системы. В конце 1922 г. решением коллегии Губернского отдела по делам национальностей (Губнац), отвечающего за практическое осуществление национальной политики на местах, 11 инородческих волостей на территории Нарымского края (к этому времени Нарымский край включал 21 инородческую волость) реорганизуются в Иванкинскую и Васюганскую инородческие волости по р. Оби с коренным населением в 1525 чел. В Иванкинскую инородческую волость с центром в ю. Иванкиных вошли территории бывших Тогурско-Порубежной, Нижнее-Тогурской, Пиковской, 3-й и 4-й Парабельской, Ларпинской, Верхнее-Подгородной волостей с населенными пунктами ю. Езенгиных, Конеровых, Тяголовых, Иготкиных, Иванкиных, Кияровых, Инкиных, Зайкиных, Сагандуковых, Мумышевых, Невальцевых, Ласкиных, Чиряевых и русскими деревнями – Усть-Чая, Ново-Былино, Петропавловская [5, л. 10 (а); 6, л. 30–31]. В прежнем административном делении оставались территории по р. Кети и Тыму [5, л. 8]. Однако уже к середине 1920-х гг. в качестве новой формы административного деления, с учетом экономического уровня развития и особенностей жизни коренных этносов, вводится территориальный принцип, объединяющий население в туземные (национальные) советы. В течение 1927–1928 гг. в Нарымском крае создание национальных советов было в основном завершено. К 1930 г. в местах наибольшего сосредоточения коренного населения функционировали: в Каргасокском районе – Напасский, Чежапский, Нюрольский, Васюганский, Айполовский туземные советы, в Колпашевском районе – Широковский сельсовет и Верхнекетский туземный совет. В Ларькинском туземном районе – Наунакский, Праскинский, Сегилетовский и Корликовский туземные советы. В 1932 г. на территории

Напасского тузсовета создается туземный районный исполнительный комитет с 4 тузсоветами: Лымбельским, Напасовским, Кананакским и Ванжиль-Кинакским. Впоследствии они выделяются в отдельную административную единицу – Тымский национальный район, расположенный между 80°20' и 84°50' ВД и 59°30' и 60°48' СШ. Он граничил с запада с р. Сангелькой, с севера и юга – с водоразделом рек Вах и Кеть. Площадь района составляла от 2 909 000 до 3 200 000 га. Население района состояло в основном из чумылькупов (145 хозяйств), шошкупов (44 хозяйства), одной семьи сюсюкумов и двух семей тунгусов. Плотность населения равнялась 0,8 чел. на 1 км² [7, л. 10; 8, л. 36]. Район рассматривался как особая, закрытая для русского населения национально-экономическая зона на территории Нарымского края. С момента образования Тымского национального района, р. Тым стала активно заселяться селькупамы с территорий Колпашевского, Парабельского и Каргасокского районов (первая волна миграции).

Органы туземного управления наделялись правом самостоятельного решения собственных дел, в том числе и судебных, в соответствии со своими традициями и образом жизни. За каждым туземным сельсоветом закреплялись исконные рыболовные места и охотугодья, а население освобождалось от уплаты пошлин на право охоты и рыбной ловли [5, л. 18; 6, л. 30–31; 9, л. 21].

Отношения между селькупским и русским населением регулировались законодательными актами и решениями районных и окружных органов власти. Территории туземных сельсоветов были закрыты для вселения русского населения. Так, специальным постановлением президиума Томского окружного исполнительного комитета от 28 июня 1930 г. запрещалось любое вселение граждан, не принадлежащих к малым народностям Севера в Ларькинский туземный район, на территорию тузсоветов Каргасокского района (кроме южной части Айполовского тузсовета к югу от р. Ятыл-Яг и устья р. Черталы, южнее 58°30' с. ш. и Наунакского сельсовета), в Колпашевский район на территорию Широковского сельсовета и Верхнекетского тузсовета в пределах правобережья р. Кети от границ Широковского с/с до 39, 46 и 27 км Максимоярской лесной дачи, а также вверх до течения р. Кедровой и левобережья от границ Широковского с/с. Под расселение русских отводились территории Александровского, Колпашевского и Каргасокского районов, граничащие с территориями тузсоветов, но не входящие в их юрисдикцию, а также земли всего Парабельского района [10, л. 4]. Нередко, в целях защиты своей территории от вселения русских, сами тузсоветы, основываясь на решении туземных собраний, требовали от властей не только запрета вселения на их

территории русского населения, но и высылки проживающих там русских семей [11, л. 8–9; 12, л. 17]. Как правило, такие требования удовлетворялись властями [10, л. 16; 13, л. 46; 14, л. 10; 15, л. 1].

Вместе с тем в начале 1930-х гг. все более устойчивой становится тенденция вселения русских на территории, входившие в состав национальных тузов, но не освоенные (как считалось властями) в хозяйственном отношении селькупам [14, л. 1, 5; 9, л. 10]. Сначала это проводилось как временная мера, только на момент сбора дикоросов и во время сезона охоты, затем в качестве постоянной меры. К середине 1930-х гг. эта тенденция приобрела формы государственной политики, когда территория Нарымского края стала рассматриваться властями как полигон для вселения огромной массы спецпереселенцев и развертывания спецкомендатур в местах проживания южных селькупов. В сложившейся обстановке селькупы Колпашевского и Парабельского районов, где сосредоточивалась основная масса спецпереселенцев, вынуждены были мигрировать на р. Тым (вторая волна миграции). К 1933 г. территория Тымского национального района на 70 % уже была заселена селькупам с р. Парабель, Кенга, Обь и Васюган [16, л. 146].

Таким образом, до середины 1930-х гг. еще сохранялась достаточно благоприятная обстановка для функционирования языка селькупов, их традиционной культуры и хозяйственной деятельности, адаптированной к физической (природной) среде обитания. Особенно благоприятные условия в этом отношении сложились на р. Тым, где селькупы благодаря своей территориальной отдаленности и определенной изолированности от мест компактного проживания русского населения продолжительное время сохраняли свои самобытные черты. Вместе с тем на территориях с преобладающим русским населением, где доля селькупов была минимальна, коммуникативные и функциональные возможности селькупского языка неуклонно слабели.

Численность. Численность южных селькупов на период 1920–1930 гг. устанавливается по статистическим данным Томского губнаца на 1922 г. и по сведениям на 1932–1934 гг., приводимым Е.Д. Прокофьевой и Комитетом нового латинизированного алфавита (далее КНЛА). Однако установление точной численности селькупов осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, относительно (или приблизительно) количественных показателей, приводимых статистикой; во-вторых, тем, что в течение 1922–1930-х гг. южные селькупы не выделялись в отдельную этнолингвистическую группу, а учитывались вместе с хантыйским населением Нарымского края под общим этнонимом «остяки». Только в 1932 г. была предпринята по-

пытка количественного учета именно южных селькупов, связанная с введением письменности. Но и в этом случае имеются разночтения по численности, приводимой Е.Д. Прокофьевой и КНЛА. Так, по данным Е.Д. Прокофьевой в отчете для Окроно, южных селькупов насчитывалось 2151 чел. По другим сведениям, отмеченным Е.Д. Прокофьевой в докладе для КНЛА, южные селькупы по основным районам их расселения составляли 2927 чел. По данным КНЛА на 1934 г., селькупов (остяко-самоедов) в Нарымском округе насчитывалось 3255 чел., а по другим сведениям этого же комитета – 3172 чел. [16, л. 146, 151; 4, л. 39, 44]. За основу вычислений следует взять наибольшие периодические показатели численности южных селькупов (2927 чел. по Е.Д. Прокофьевой и 3255 – по данным КНЛА). Усредненное население на период 1932–1934 гг., можно рассчитать как полусумму численностей населения на начало и конец периода, что составит 3091 чел. Безусловно, это относительный показатель, однако он является наиболее приближенным к действительности.

Опираясь на имеющиеся цифровые данные, можно вывести количественный состав южных селькупов и на период 1922 – конец 1930-х гг. По сведениям Губнаца на 1922 г., абсолютная численность (т.е. численность на определенный момент времени) южных селькупов составляла 2511 чел. [5, л. 10 (а)]. Средняя численность населения на период 1932–1934 гг. (без хантов и эвенков) составляла 3091 чел. Принимая во внимание, что численность селькупов с 1922 по конец 1930-х гг. изменялась с постоянным темпом (экспоненциально), среднее селькупское население на данный временной отрезок равнялось 2791 чел.

В этой связи необходимо проследить динамику роста русского населения в Нарымском крае в 1922–1930-е гг. Если в 1922 г. число русских в районах проживания южных селькупов составляло 1185 чел., или 32,7 % к численности селькупов [5, л. 10 (а)], то уже к середине 1930 г. русское население (с учетом украинцев и белорусов) увеличилось до 100510 чел., что составляло 97,3 % численности к селькупскому населению на этот отрезок времени [17, л. 13]. Увеличение русского населения происходило за счет карательной колонизации края, развернувшейся в начале 1930-х гг.

В связи с тем, что южные селькупы проживали в основном дисперсно среди русского населения, численность которого в течение 1930-х гг. неуклонно росла, возрастала угроза растворения селькупов и их языка. Кроме того, карательная колонизация Нарымского края влекла за собой вынужденные миграции коренного населения с исконных мест обитания, что не могло не приводить к структурным сдвигам в его среде [18, с. 211].

Возраст носителей языка. Наилучшие возможности для анализа языковой ситуации предоставляют одногодичные или пятилетние возрастные интервалы. Однако данные по этим возрастным параметрам на 1920–30-е гг. отрывочны и не охватывают селькупское население по всей территории его проживания. Поэтому целесообразно будет рассмотреть возрастные контингенты, т.е. группы лиц, объединенные общим для них возрастом, социально-экономическими и иными признаками. В зависимости от функциональной роли, свойственной тем или иным возрастным группам, среди южных селькупов можно выделить следующие возрастные контингенты: ясельный и дошкольный (дети в возрасте 1–7 лет), школьный (дети 8–15 лет), трудоспособный (мужчины в возрасте 16–59 лет, женщины в возрасте 16–55 лет), нетрудоспособный (пожилые и старые люди в возрасте от 60 до 90 лет). Анализ данных по возрастному составу показывает, что 32.2 % носителей родного языка приходилось на возраст 1–16 лет, 51.5 % – на возраст 17–60 лет и 16.3 % – на возраст 60–90 лет. Показателен в этом отношении возрастной состав селькупов р. Тым. К середине 1932 г. распределение населения по возрастам выглядело там следующим образом: из 655 чел. в возрасте от 1 года до 7 лет – 159 чел.; от 7 до 12 лет – 65; от 12 до 16 лет – 32; от 17 лет и выше – 399. Доля пожилых и старых людей среди населения Тыма за этот период не превышала 8.5 % [19, л. 2].

Селькупское население Нарымского края в период 1920–30-х гг., как показывают цифры, было молодое. В демографическом отношении это явление положительное. Однако в условиях высокой смертности селькупов в возрасте от 35 до 55 лет [20, л. 1–14], постоянного притока русского населения и наметившихся изменений в системе традиционных ценностей этот факт заключает в себе отрицательный показатель. Родной язык селькупов со временем перестает усваиваться в раннем возрасте, и в будущем утрачивает свои функциональные и коммуникативные возможности.

Характер браков и функционирование языка в семье. В период 1920–30-х гг. среди селькупов еще сохранялась тенденция к внутриэтническим бракам, а доля смешанных браков между селькупам и русскими была минимальна. Высокий процент внутриэтнических браков наблюдался прежде всего в местах компактного проживания селькупов, особенно на р. Тым. Из 140 брачных пар, проживающих по р. Тым в 1930 г., на долю смешанных браков приходилось не более 0.7 %, или около 10 селькупско-русских семей, где русскими в основном были жены [21, л. 2–26; 22, л. 2–36].

В семьях, где родной язык является доминирующим, дети усваивают его первым. В этом преиму-

щество родного языка. У таких детей развивается эмоциональная привязанность к родному языку, благодаря которому они усваивают основы традиционного (семиотического) поведения. Это общее положение вполне относится и к селькупам.

Смешанные же семьи представляют собой самый ранний и наиболее интенсивный вид семейного двуязычия [23, с. 156]. Сами по себе смешанные браки не несут угрозы быстрой смены родного языка. В двуязычных семьях, когда функции двух языков тесно переплетаются, трудно определить степень доминирования того или другого языка. Дети способны в равной мере усваивать одновременно два языка. При этом, особенно в раннем возрасте, дети в смешанных семьях не обращают внимание на то, какой из языков для них является родным, и усвоение неродного языка двуязычными детьми идет быстрее, чем у их ровесников в одноязычных семьях. Вместе с тем степень владения русским языком детей из смешанных селькупско-русских семей гораздо выше, чем родным языком. Русская речь у двуязычных детей является более чистой и правильной, чем у поколения их старших родственников и детей из селькупских семей. Такие дети не испытывают особого труда при переключении и на родной язык в общении со старшим поколением, т.е. с бабушками и дедушками. Однако в будущем есть опасения, что поколению двуязычных детей все труднее будет общаться на двух языках, и оно может стать одноязычным. К началу 1930-х гг. уже наблюдалась ситуация, когда в смешанных семьях, где мать детей была русской, дети вообще не знали родной язык своего отца [16, л. 155].

Воспитание детей дошкольного возраста (ясли, детсады). В 1920–30-х гг. среди селькупов появилась форма дошкольного воспитания детей через детские площадки, ясли и детские сады. С одной стороны, дошкольные учреждения освободили женщин-матерей от домашней работы, что позволило им включиться наравне с мужчинами в общую хозяйственно-экономическую жизнь, общественно-политическую деятельность, получать образование [24, л. 2, 18]. С другой стороны, дети уже в раннем возрасте вынуждены были находиться вне семьи, были оторваны от традиционных форм воспитания, и им так или иначе прививались новые, нетрадиционные формы общественных отношений. Работники детских садов и яслей, за некоторым исключением, были русские женщины, окончившие ускоренные курсы педагогов дошкольных учреждений. Квалифицированных воспитателей, владеющих родным языком селькупов, не доставало. Поэтому воспитание и общение с детьми проходило в основном на русском языке. Только с 1933–1934 гг. начинается подготовка воспитателей дошкольных учреждений из среды селькупов. В осно-

ве этой подготовки лежал ускоренный курс селькупского языка, разработанный Е.Д. Прокофьевой [25, л. 1–2, 7–12]. Однако в сложившихся условиях возможность эффективного использования родного языка практически не реализовывалась.

Преподавание национального языка в национальных школах и школах-интернатах. Одним из основных каналов распространения родного языка является школа. Поэтому преподавание родного языка в школах и обучение родному языку является одним из плановых способов сохранения языка.

К середине 1930-х гг. на территории Нарымского края функционировало 4 национальные школы, и 13 школ-интернатов. Национальные учебные заведения создавались, как правило, в местах компактного проживания селькупов. В них обязательно принимались дети селькупов и хантов в возрасте от 8 до 16 лет включительно. Таким образом, начиная с 1922 г. и до конца 1930-х гг. в образовательный процесс были вовлечены дети и подростки 1910–1932 гг. рождения. Приоритетным направлением деятельности национальных учебных учреждений, особенно в первое время их существования, являлось обучение детей на их родном языке, что и определяло условие приема – обязательное знание детьми своего родного языка. Однако, как показывала практика ежегодного приема учащихся, данное условие не всегда соблюдалось. Многие дети, принимавшиеся на учебу, плохо знали или вообще не знали своего родного языка. Особенно слабо владели родным языком селькупские дети, проживающие по берегам р. Оби, где селькупское население тесно соседствовало с преобладающим русским населением, а также дети из смешанных селькупско-русских семей. Статистика тех лет показывает, что из всех обучающихся детей родным языком владели 30 %, плохо владели 40 % и совсем не владели родным языком 30 % [16, л. 146 (б)].

Практически нерешаемой в 1920–30-е гг. оставалась проблема недостатка (нередко полного отсутствия) квалифицированных педагогов, владеющих родным языком южных селькупов, и отсутствие необходимой учебной литературы на родном языке учащихся. Только в Широковской школе-интернате в начале 1920-х гг. были педагоги, знающие язык кетских селькупов, но и они пользовались им как пояснительным языком [26, л. 73]. Все учебные дисциплины велись в школах и школах-интернатах на русском языке. Расписание занятий было составлено таким образом, что на родной язык совсем не планировалось часов, на изучение же русского языка отводилось 12 ч в неделю, а на математику, например, 6 ч в неделю [17, л. 4]. Попытка перевести учебный процесс на язык тазовско-туруханских селькупов благодаря букварю Е.Д. Прокофьевой в начале 1933 г. не увенчалась успехом. Первые опыты рабо-

ты с этим учебным материалом (сначала в Колпашевском педучилище для нацмен весной 1933 г., а затем в четырех школах Тымского национального района) выявили ряд трудностей, связанных с процессом усвоения детьми языка тазовско-туруханских селькупов. Особые затруднения у детей южных селькупов вызывала фонетика и лексика. Проблема заключалась не только в том, что детьми южных селькупов просто не понимали языка северных селькупов, как это пытались расценить учителя, проводившие занятия по букварю Е.Д. Прокофьевой. Сложившиеся устойчивые ассоциации в диалектах южных селькупов натолкнулись на трудности образования новых ассоциаций из языка северных селькупов. Знание родного языка, таким образом, мешало изучению другого, несмотря на его генетическую близость. Более того, попытка перевести занятия на язык северных селькупов, с одновременным изучением этого языка, стала расцениваться многими селькупами как насильственное введение практически нового для них диалекта. Это вызывало недовольство среди южных селькупов, непонимание ими необходимости обучаться на чужом для них диалекте, опасение, что внедрение нового для них языка приведет к деградации их культуры, станет «тормозом в хозяйственном и культурном развитии» их народа. Сложившееся положение осложнялось и тем обстоятельством, что в национальных учебных учреждениях обучались дети, представляющие разные территориально-диалектные группы южных селькупов. Трудности в общении друг с другом на родном языке заставляли детей использовать русский язык как во время учебы, так и во время игр. Русский язык, таким образом, служил в качестве «международного» языка, и весь учебный процесс в конечном счете сводился к преподаванию на русском языке.

Конфликтная ситуация привела к тому, что в 1934 г. южные селькупы в лице отдела нацмен Западно-Сибирского краевого исполнительного комитета стали требовать от крайкома ВКП (б) отмены преподавания на селькупском (тазовско-туруханском диалекте) языке и перевода учебного процесса полностью на русский язык, на котором говорили практически все южные селькупы [16, л. 146–146 (б)].

Однако к середине 1930-х гг. уже начинала работать политика «всеобщего выравнивания», запрета на проявления местнической идеологии. Язык северных селькупов был объявлен единым литературным языком, на котором должен строиться не только учебный процесс и издательская деятельность, но и административная работа тузсоветов. На языке северных селькупов начинается и подготовка педагогических кадров для национальных школ [27, л. 20; 28, л. 96–99, 102].

Несмотря на все усилия, предпринимаемые для улучшения ситуации с преподаванием родного языка в национальных учебных заведениях, отсутствие доступных учебных пособий на родном языке затрудняло обучение и препятствовало окончательному переводу национальных образовательных учреждений на родной язык обучения. Родной язык южных селькупов фактически был исключен из образовательного процесса. У детей формировалось чувство неуверенности в необходимости знания своего родного языка, они стеснялись им пользоваться. Русский язык становится для всех единственным языком как в сфере общения и образования, так и в сфере подростковой учебно-производственной деятельности. На степень сохранности родного языка в условиях интернатской системы образования существенно влияла и длительная оторванность детей от родителей, от традиционных хозяйственных занятий.

В сферу образования вовлекалось и взрослое население. По оценке экспертов, на период 1920 – начало 1930-х гг. доля грамотных среди коренного

населения Нарымского края не превышала 1 %. Для ликвидации неграмотности в местах компактного проживания взрослого населения создавались ликпункты. Обучение в них проводилось также на русском языке и обучали прежде всего русскому языку. В зависимости от количества неграмотных в год по районам обучали от 100 до 250 чел. [29, л. 10]. Практически на территории каждого тузсовета в помощь работникам-ликвидаторам неграмотности и населению создавались читальные избы, красные уголки и библиотеки, в которых литература, а также газеты и журналы комплектовались только на русском языке.

Все рассмотренные социально-экономические и коммуникативные факторы, влияющие на формирование языковой ситуации (обозначим их как факторы доминирования), можно представить в виде совокупности характеристик, позволяющих определить на период 1920–30-х гг. степень доминирования одного из двух языков. Полученные результаты сведены в таблицу, где положительная оценка доминирования языка будет обозначена +.

Фактор доминирования	Взрослые		Дети и подростки	
	Язык			
	селькупский	русский	селькупский	русский
Территория проживания (<i>компактность</i>)	+		+	
Территория проживания (<i>дисперсность</i>)	+	+	+	+
Возрастные категории:			+	
<i>раннее детство (1–3 года)</i> (в селькупских семьях)			+	
<i>раннее детство</i> (в смешанных семьях)			+	+
<i>детство (дошкольный возраст 4–7 лет)</i> (в селькупских семьях)			+	+
<i>детство (дошкольный возраст)</i> (в смешанных семьях)			+	+
<i>школьный возраст (8–16 лет)</i> (в селькупских семьях)			+	+
<i>школьный возраст</i> (в смешанных семьях)				+
<i>трудоспособный возраст</i> (17–59 лет)	+	+		
<i>пожилые люди (60–74 года)</i>	+			
<i>старые люди (75–90 лет)</i>	+			
Характер браков (селькупские)	+		+	
Характер браков (смешанные)	+	+	+	+

Как видно из таблицы, на период 1920–30-х гг. язык южных селькупов сохранял свой доминирующий статус практически во всех коммуникативных сферах. Вместе с тем также очевидно, что русский язык в данный исторический период тоже занимал свои доминирующие позиции главным образом в сфере образования. Характеризуя языковую ситуацию в Нарымском крае в 1920–30-е гг. в целом, можно говорить об устойчивом двуязычии. Основ-

ной процент двуязычных приходился на младшие возрастные группы. В районах дисперсного расселения селькупов двуязычными были практически все возрастные группы.

При этом в сложившемся двуязычии наметилась тенденция постепенного перехода южных селькупов на русский язык. Языковые контакты между селькупками и русским населением, с учетом всех рассмотренных факторов, несли в себе угрозу того,

что родной язык селькупов утратит свой доминирующий статус, свою коммуникативную роль в обществе. Изменения происходили в самой системе селькупского языка, которая подвергалась сильно-му внешнему давлению со стороны русского языка, особенно в области лексики.

В итоге, на общем фоне развития исторической ситуации 1920–30-х гг. родной язык южных селькупов постепенно стал терять не только свою коммуникативную роль (эту роль все больше стал выполнять русский язык), но и перестал выполнять функцию символов для соответствующих форм культуры этноса. Это объяснялось тем, что и сама традиционная культура селькупов видоизменялась под давлением внешних социально-экономических, политических и идеологических факторов. В новых условиях культура селькупов «национальная по форме, социалистическая по содержанию», как определяли ее реформаторы советской эпохи, неизбежно теряла свой традиционный колорит, а вместе с традициями уходил и язык, как выразитель этой культуры. Немаловажную роль играл и психологический фактор. Знание русского языка и владение им стало расцениваться среди селькупов как признак культурности, как возможность приобщения к русской культуре, возможность устройства лучшей жизни. Это часто достигалось в ущерб родному языку [24, л. 18, 32].

Только на короткий отрезок времени (1920–1933 гг.) условием, гарантирующим доминирующий статус языка южных селькупов, стал фактор возросшего у них самосознания. Наблюдалась тенденция притяжения, когда различные этно-лингво-территориальные группы селькупов стремились не только к территориальному объединению (особенно это стало заметно после образования Тымского национального района), но и к осознанию себя как единого этноса. В начале 1930-х гг., когда была предпринята попытка придать языку южных селькупов статус национального литературного языка, общим этнонимом для большинства селькупов стал этноним «чумылькуп», а чумылькупскому диалекту придавали значение выразителя национального самосознания, способному объединить южных селькупов в единую этническую группу [30, л. 35.].

Однако сама эпоха 1920–1930-х гг., противоречивая во многих отношениях, не могла способствовать сохранению традиционного уклада жизни коренных народов Сибири. Южные селькупы, как и большинство народов Сибири, попали под мощный пресс советской идеологической машины, они физически не могли сопротивляться угрозе потери своей идентичности. Это естественным образом отражалось и на степени выживаемости их языка.

Поступила в редакцию 08.11.2006

Литература и источники

1. Тучков А.Г. Южные селькупы в годы Великой Отечественной войны (этнодемографический аспект) // Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны: Мат-лы регион. науч. конф. (17–18 мая 2001 г.). Томск, 2002.
2. Тучков А.Г. Эпидемиологическая ситуация в Нарымском крае во второй половине XIX – начале XX в. // Коренные народы Сибири: проблемы историографии, истории, этнографии, лингвистики: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. Томск, 2004.
3. Тучков А.Г. Организация системы народного образования среди народов севера Томской области в 1920–30-е годы // Мат-лы междунар. конф. «Первые исторические чтения Томского государственного педагогического университета» (16–17 ноября 2004 г.). Томск, 2005.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р–591. Оп. 1. Д. 28.
5. Там же. Ф. Р–28. Оп. 1. Д. 1281.
6. Там же. Д. 1246.
7. Там же. Ф. Р–747. Оп. 1. Д. 128.
8. Там же. Ф. Р–991. Оп. 1. Д. 29.
9. Там же. Ф. Р–747. Оп. 1. Д. 1.
10. Там же. Д. 29.
11. Там же. Д. 57.
12. Там же. Д. 5.
13. Там же. Д. 2.
14. Там же. Д. 81.
15. Там же. Д. 71.
16. Там же. Ф. Р–591. Оп. 1. Д. 5.
17. Там же. Д. 21.
18. Красильников С. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.
19. ГАТО. Ф. Р–747. Оп. 1. Д. 166.

20. ГАТО. Ф. Р-747. Оп. 1. Д. 76.
21. Там же. Д. 36.
22. Там же. Д. 25.
23. Ванрайх У. Языковые контакты. Киев, 1979.
24. ГАТО. Ф. Р-991. Оп. 1. Д. 22.
25. Там же. Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 31.
26. Там же. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 335.
27. Там же. Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 7.
28. Там же. Д. 40.
29. Там же. Д. 13.
30. Там же. Ф. Р-747. Оп. 1. Д. 99.

УДК 39:316.7(571.1)

Е.Ю. Кошелева

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ СЕЛЬКУПОВ И ХАНТОВ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990–2000-Е ГОДЫ¹

Томский государственный педагогический университет

Данная работа посвящена рассмотрению новых явлений в духовной культуре народов севера Томской области за последние два десятилетия.

Комплекс факторов, таких как миграционный поток русскоязычного населения на территорию Сибири, межэтнические браки, образовательная политика государства, процессы модернизации привели к тому, что коренные народы Севера, проживающие на территории Томской области (селькупы, ханты, эвенки, чулымские тюрки), в значительной степени утратили традиционную культуру. Была нарушена цепочка преемственности родители – дети и передача информации от поколения к поколению прервалась. В связи с глобальным кризисом идентичности конца 1980-х гг., в настоящее время традиционные знания вновь востребованы, так как являются важным компонентом этничности коренных народов. Однако большой проблемой, вставшей перед энтузиастами национального возрождения, стало то, что «возродить» многие традиции возможно лишь изобретая их: в целом ряде случаев не осталось подробных описаний обрядов этих народов.

В настоящее время в Томской области существует несколько творческих объединений, в которых преподается национальный язык и проводится работа по сохранению и воссозданию традиционной культуры коренных народов.

Изучение селькупского языка ведется с 1991 г. в Доме детского творчества с. Парабель в качестве кружка, в национальной малокомплектной школе

дер. Иванкино предмет «селькупский язык» включен в школьную программу.

С начала 1990-х гг. действует детский селькупский фольклорный коллектив «Коголика» в дер. Иванкино Колпашевского района, этнический центр в селе Парабель Парабельского района.

Изучение культуры хантов ведется в клубе культуры народов Севера «Ай пях» в с. Каргасок и в общественной организации коренных народов «Родник» г. Стрежевого Александровского района. Преподавание хантыйского языка в Томской области не ведется. В настоящее время лингвистами Томского государственного педагогического университета (ТГПУ) заканчивается работа по сбору материала для создания учебных пособий на васюганском диалекте хантыйского языка.

Руководителями и сотрудниками творческих коллективов коренных народов Томской области и учителями селькупского языка в большинстве своем являются женщины с высшим или средним специальным образованием. Многие исследователи отмечают, что за последние несколько десятилетий у коренных народов произошел гендерный сдвиг образовательного уровня. Он привел к тому, что «среди лиц со средним специальным, незаконченным высшим и собственно высшим образованием женщины заметно преобладают над мужчинами, и средний образовательный уровень у женщин оказывается более высоким, чем у мужчин» [1, с. 190]. Коренные народы Томской области не являют исключения в этом ряду.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта РФНФ «Коренные малочисленные народы Севера земли Томской: судьбы традиций и языка» № 05-01-64102а/Т.